

(Пере)форматирование идентичности в империи: внешнеполитический аспект украинского национального дискурса (рубеж XIX–XX веков)

В.Д. Русецкая

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь
vladislavaruseckaa12@mail.ru

Аннотация

В работе исследуется процесс форматирования национальной идентичности на украинских землях как составной части национального дискурса полиэтнических империй. Автором представлены основные факторы, приведшие к возникновению и трансформации «украинского вопроса» в России и Австро-Венгрии, среди которых особое значение отводится внешнеполитическому аспекту. Исследование демонстрирует изменение геополитического значения национального дискурса на украинских землях в сторону его повышения и важность внешних факторов во внутреннем процессе переформатирования идентичности украинской элиты.

Ключевые слова:

идентичность, империя, народность, национализм, нация, польский вопрос

Формирование национальной идентичности в Российской империи привело к трансформации социально-политического облика страны. Процесс вызревания современных наций обострил, а во многом и породил «национальный вопрос» в Российской державе, который к началу XX в. стал фактически вопросом дальнейшего развития и даже существования «единой и неделимой России».

Спорным вопросом остается определение той отправной точки, с которой начинается процесс «национализации» России. Многочисленные этносы, входившие в состав империи Романовых, в разное время вступили в процесс формирования собственной идентичности. Возникновение собственно русского национализма на фоне национального брожения окраин стоит рассматривать как особый случай, поскольку в отличие от иных народностей русские представляли собой титульную национальную группу со всеми вытекающими из этого последствиями.

Особенным с методологической точки зрения в изучении проблемы национализма в Российской империи является национальный дискурс в Украине (Малороссии). Этот локальный случай интересен по двум причинам: во-первых, малороссы были составной частью русского имперского

(Re)formatting identity in the Empire: the foreign policy aspect of the Ukrainian national discourse (the turn of the XIX–XX centuries)

V.D. Rusetskaya

Belarusian State University,
Minsk, Belarus
vladislavaruseckaa12@mail.ru

Abstract

The paper considers the process of formation of national identity in the Ukrainian lands as an integral part of the national discourse of polyethnic empires. The author presents the main factors that led to the emergence and transformation of the "Ukrainian question" in Russia and Austria-Hungary, among which special importance is given to the foreign policy aspect. The study demonstrates the change in the geopolitical significance of the national discourse in the Ukrainian lands in the direction of its increase and the importance of external factors in the internal process of reformatting the identity of the Ukrainian elite.

Keywords:

identity, empire, nationality, nationalism, nation, Polish question

национального проекта, неизменно просуществовавшего до ликвидации Российской империи и с некоторыми поправками перекочевавшего в последующие русские (советский и современный) аналогичные проекты; во-вторых, Украина стала примером одновременно и форматирования и переформатирования идентичности, поскольку национальный дискурс Малороссии развивался в условиях взаимодействия, а зачастую – и конкурентной борьбы сразу нескольких проектов национальной идентичности (польский, русский и собственно украинский).

Начать анализ процесса форматирования идентичности стоит с определения акторов этого процесса. «Действующими лицами» национального дискурса в Малороссии можно назвать польских националистов, деятелей украинского национального движения (украинский проект), правящие династии, адептов «триединой русской нации» (русский проект), правящие круги соседних империй (Австро-Венгрия и Германия), в меньшей степени – Францию и Англию (перечисление акторов происходит не по мере уменьшения их значимости, а по мере их подключения в национальный дискурс).

Прежде всего необходимо отметить сущность вопроса появления национального дискурса в Российской империи. Временем его назревания можно считать конец XVIII в., однако на повестку дня он поднимается лишь со второй половины XIX в. До этого можно говорить о преобладании сословно-социальной идентичности на быденном уровне и идентичности по критерию лояльности к правящей династии на общеимперском уровне¹. О второстепенности, а точнее сказать – третьестепенности, национального критерия в имперской политике первой половины XIX в. свидетельствует знаменитая уваровская триада «православие, самодержавие, народность», в которой «народности», являвшейся русским аналогом «нации», отводится последнее место в иерархии важнейших принципов государственной идеологии.

До середины века понятия «нация» и «национализм» рассматривались правящими элитами России как элементы либерализма и конституционализма, от которых столь упорно пыталась отрешиться династия Романовых на протяжении всего царствования [2, с. 24]. Толчком для принятия национальных номинаций в правительственный лексический оборот послужило польское восстание 1863 г., принудившее власть к поиску нового идеологического скрепления полиэтнической империи.

Украинские земли на этот момент не представляли собой целостного и гомогенного организма, что во многом повлияло и на особенности формирования идентичности. Чаще всего территория Украины называлась Малороссией в качестве официального географического обозначения. Более того, Восточная Галиция, Северная Буковина и Закарпатская Русь входили в состав империи Габсбургов, причем каждая из этих территорий принадлежала к разным ее частям. Российскую часть Украины делят на Левобережье, Правобережье, Новороссию и Слободскую Украину. Эти регионы имели не только географические и хозяйственные особенности, но и этнокультурные. Историческое развитие этих земель было также неоднородным. Так, Левобережная Украина вошла в состав Московского государства еще в середине XVII в. и имела свою государственную традицию в виде Гетманщины (хотя государственный характер этого образования является предметом дискуссии и по сегодняшний день). Правобережье было присоединено лишь в результате разделов Речи Посполитой, и здесь особенно сильным было польское политическое и культурное влияние.

Зарождение украинского национального движения происходило под влиянием общеевропейских тенденций формирования наций и национальных государств. Первой украинской организацией, которая начала разработку национальной идеи, стало Братство святых Кирилла и Мефодия (1846–1847). Однако первые деятели украинского возрождения рассматривали его в тесной связи с русской идентичностью. Показательным примером тому служит знаменитая статья Н.И. Костомарова «Две русские народности» [3], в которой изложена концепция существования отдельной южнорусской народности на ряду с севернорусской (великорусской), хотя полное отделение мало-

россов от русских, как видно из названия статьи, в умах украинских интеллектуалов еще не произошло.

Большую роль в формировании национального дискурса в Малороссии сыграли внешнеполитические, или геополитические факторы. Амбиции европейских держав, прежде всего России и Австро-Венгрии, по увеличению своих территорий и расширению политического влияния вызывали к жизни различные манипуляции с «украинской картой», которая по мере приближения к мировой войне стала увеличивать свое значение в большой европейской игре.

На значимость внешнего фактора в процессе формирования идентичности населения Малороссии указывает позиция царских властей по отношению к украинскому национальному движению. В середине XIX в. украинофильское культурническое движение стало предметом пристального внимания правительственных структур, в том числе охранительных. Как власти, так и русское общественное мнение предпочитали видеть в «сепаратистском» движении Малороссии «польскую интригу». Например, Николай I дал следующую оценку деятельности Кирилло-Мефодиевского братства: «...явная работа той же общей пропаганды из Парижа²; долго этой работе на Украине мы не верили; теперь ей сомневаться нельзя» [4, с. 118].

Тем не менее такой подход не имел под собой чисто национального окраса, поскольку деятельность польской конспирации рассматривалась правительством как часть общеевропейского революционного заговора. Эволюция теории «польской интриги» в сторону ее интерпретации с национальных позиций произошла в 1863 г., когда в Царстве Польском и Западных окраинах России вспыхнуло восстание [5, с. 329].

Польское восстание взбудоражило умы правящих элит, поскольку этот акт можно считать первой битвой за национальную идентичность Западных губерний. Боясь колебаний местного населения в связи с распространением украинофильского просвещения в массы, государственные идеологи поспешили твердо заявить об «исконной русскости» Южнорусского края, лишь бы не допустить смену лояльности. Панику русской общественности можно проследить по смене риторики одного из главных адептов «триединой нации» М.Н. Каткова, который одну из статей «Московских ведомостей» начал с эмоциональной оценки украинофильской деятельности: «Интрига, везде интрига, коварная иезуитская интрига, иезуитская и по своему происхождению, и по своему характеру!» [6, с. 158]. Примечательно, что до этого в журнале публиковались объявления Костомарова о сборе денег на малорусскую печать.

Но куда более красноречивым фактом, свидетельствующим о глубоком проникновении в среду малорусских интеллектуалов идеи особой народности, является составление циркуляра министра внутренних дел П.А. Валуева [7].

Дальнейшее развитие украинского движения в Российской империи столкнулось с жестким противодействием властей. Валуевский циркуляр³, который первоначально носил временный характер [8, с. 112, 113], был подтвержден еще более решительным ограничительным Эмским указом

¹ А. Каппелер выделяет в качестве важнейших критериев иерархии также культуру и религию [1].

² Имеются в виду польские эмигранты в Париже.

³ Значительно ограничил употребление малорусского наречия в печати.

1876 г.⁴ Учиненные препятствия для развития украинской национальной идентичности, казалось, должны были способствовать утверждению общерусского проекта. Однако этого не произошло, и во многом – из-за внешнего фактора.

Развитие украинского национального проекта в геополитическом контексте протекало по логике, основным рычагом которой было вхождение украинских земель в состав двух империй. Галицийские украинцы – русины, или рутены – имели одну общую черту с российскими малороссами – это противостояние с поляками. Польский вопрос и в Российской, и Дунайской империях являлся настоящей «занозой» в государственном организме. Исследователь С. Плохий весьма метко описывает связь украинского и польского национальных вопросов, считая, что и Вена, и Петербург использовали украинцев в борьбе с поляками, но разными методами: «Российское правительство поглотило в 1839 году униатскую церковь и сдерживало украинское возрождение, чтобы уберечь "русский народ" (имперскую нацию) от "польской пропаганды". Австрийское же поощряло рутенов, чтоб их движение служило противовесом полякам в Галиции... [австрийцы. – Р.В.] радовались тому, что эти миллионы не пополнят уже вполне сформированную польскую нацию» [9, с. 238, 239]. Таким образом, в середине XIX в. украинский вопрос был тесно связан с польским и рассматривался как один из инструментов воздействия на польский национализм.

Украинская идентичность утверждалась в довольно сложных условиях лавирования между двумя монархиями. По логике диффузии уменьшение национальной активности в одной из империй сопровождалось параллельным увеличением активности в другой. При этом, данный феномен объяснялся не только действиями собственно украинских активистов, но и имперской политикой Габсбургов и Романовых, которая развивалась по тому же диффузному принципу. Так, например, отчеты III Отделения отчетливо показывают, что ослабление давления на украинцев и параллельное расширение антирусских настроений в Галиции приводили к росту подозрительности к малороссам, которых продолжали рассматривать как сферу влияния польской партии [10, с. 660, 661].

Относительное равновесие этого процесса было нарушено в 1867 г. и окончательно ликвидировано после возникновения на политической карте Европы третьего имперского образования – Германии. После неудачной для Габсбургов австро-прусской войны 1866 г. правящими кругами был взят курс на значительный пересмотр имперской политики, что нашло свое отражение в создании дуалистической Австро-Венгерской державы. Как утверждает А. Миллер, либерализация национальной жизни в Дунайской империи являлась современным проектом разрешения национального вопроса. И несмотря на значительные уступки, сделанные национальным группам, такое решение проблемы породило новые проблемы. Одна из них – неудовлетворение славян Австро-Венгрии дуалистическим характером империи, которую предлагалось заменить на триединую Австро-Венгро-Славянскую.

⁴ Подтвердил и ужесточил положения Валуевского циркуляра в отношении малорусского языка.

В связи с этим усилился национализм так называемых «малых» европейских народов – прежде всего, чехов и поляков. «Габсбурги развязали руки не только венграм, но и хорватам и полякам. В чужом пиру похмелье досталось среди прочих украинцам – к их ужасу. Вена фактически отдала власть над Галицией польской шляхте» [9, с. 249].

В таких условиях украинофильское движение Австро-Венгрии стало вытесняться москвофильством, на которое тут же обрушился шквал правительственных репрессий. В свою очередь, это привело к тому, что на аванпост украинской активности вышло новое украинофильство, быстро нашедшее «точки соприкосновения» с аналогичным движением «Великой Украины»⁵. Дополняемые друг другом, эти движения к 1890-х гг. вылились в политическое украинство, которое стало рассматриваться правящими кругами России как особая опасность, равная по своей силе польскому национализму.

С началом XX в. отношение властей России к украинскому вопросу сильно изменилось, что было связано с двумя причинами. Во-первых, украинский партикуляризм рассматривался как вредительский для русского имперского национального проекта, который окончательно оформился к началу века и поставил своей главной целью создание «национальной империи». По определению идеологов русского национализма она представляла собой государство, имеющее национальное ядро, стремящееся к своему расширению [11, с. 231]. Однако преобладание русских в Российской полиэтнической империи могло быть обеспечено лишь включением в общерусскую нацию белорусов и украинцев. В связи с этим украинские земли рассматривались имперскими идеологами как русская национальная территория, что свидетельствует о развитии феномена «воображаемой географии»⁶. О важности этого аспекта свидетельствует тот факт, что П. Струве, перечисляя имперские задачи России, на первое место ставит присоединение Восточной Галиции, отчасти и по причине того, что «австрийское бытие малорусского племени родило и вдохновляло у нас уродливый так называемый "украинский вопрос"» [там же, с. 231, 232].

Во-вторых, украинский национальный проект с подачи российских властей стал представляться как «польско-австрийская интрига», которая заключалась в искусственном насаждении русскому населению украинской идентичности⁷ с целью подготовки восстания в Малороссии как инструмента раскола, а в потенциальной войне – и развала Российской империи.

В отличие от XIX в., в начале XX в. потенциальная связь украинства с Австро-Венгрией и подключившейся к политической игре Германией имела определенное основание, что связано с ростом международной напряженности. Многие политические и военные деятели действительно верили в то, что украинские активисты являются «австро-германскими клиентами» [12, с. 298]. Такая шпионо-

⁵ Украинские земли Российской империи.

⁶ В данном случае – специфическое восприятие пространства через призму национального дискурса, «присвоение» территории как национальной.

⁷ Власти называли этот вариант идентичности не чем иным как «мазепинством», т.е. предательством.

мания имела место и в связи с тем, что предпринимались конкретные пропагандистские меры. Так, например, известный общественно-политический деятель М. Меньшиков скептически высказывался по поводу одной статьи из Венского журнала «Vollksbewegung», в которой делались предсказания по поводу возможного объединения всех земель, населенных славянами, под скипетром австрийского монарха. Совершение этого плана виделось путем восстания в Польше и Украине [13, с. 74, 76].

Таким образом, геополитическое значение украинского вопроса возрастало по мере усиления украинского национального движения и приближения к Первой мировой войне. С середины XIX в. национальный дискурс в Малороссии начал подниматься на уровень внешнеполитических комбинаций Российской и Дунайской империй, хотя и не имел самостоятельного значения, а рассматривался в тесной связи с польским вопросом. Особенности имперской политики по отношению к украинскому движению, высокий внутренний потенциал его активной части, проявившийся в большой энергичности и гибкости украинских интеллектуалов в условиях разделения между двумя имперскими центрами, а также желание третьих сил использовать украинскую идентичность в своих геополитических планах сыграло не последнюю роль в успехе украинской партии, который был продемонстрирован в годы войны и революционных событий последующего периода.

Литература и источники

1. Миллер, А.И. История понятия «нация» в России / А.И. Миллер // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. 2. – Москва: Новое литературное обозрение, 2012. – 456 с.
2. Каппелер, А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи / А. Каппелер // Россия – Украина: история взаимоотношений. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 125–144.
3. Костомаров, Н.И. Две русские народности / Н.И. Костомаров // Собрание сочинений Н.И. Костомарова в 8 книгах, 21 т. Исторические монографии и исследования. Книга 1. Т. 1. – Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1903. – С. 31–65.
4. Зайончковский, П.А. Кирилло-Методиевское общество (1846–1847) / П.А. Зайончковский. – Москва: Издательство Моск. ун-та, 1959. – 172 с.
5. Переписка наместников Королевства Польского. 1861–1863 гг. Т. 2. – Wrocław: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1973. – 399 с.
6. Катков, М.Н. Совпадение интересов украинофилов с польскими интригами / М.Н. Катков // Избранные труды / М.Н. Катков. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 158–166.
7. Предписание министра внутренних дел Российской империи П.А. Валуева Киевскому, Московскому и Петербургскому цензурным комитетам от 18 июля 1863 года // Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века) / А.И. Миллер. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. – С. 240, 241.
8. Миллер, А.И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века) / А.И. Миллер. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. – 284 с.
9. Плохий, С. Врата Европы. История Украины / С. Плохий. – Москва: АСТ, CORPUS, 2018. – 544 с.
10. «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов / сост.: М. Сидорова и Е. Щербакова. – Москва: «Рос. фонд культуры», «Российский Архив», 2006. – 706 с.
11. Струве, П.Б. Великая Россия и Святая Русь / П.Б. Струве // Нация и империя в русской мысли начала XX века. – Москва: ИД ПРЕНСА, 2004. – С. 230–234.
12. Романовский, Ю. Украинский сепаратизм и Германия / Ю. Романовский // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола: сборник статей. – Москва, 1998. – С. 296–312.
13. Меньшиков, М.О. Преступная романтика / М.О. Меньшиков // Нация и империя в русской мысли начала XX века. – Москва: ИД ПРЕНСА, 2004. – С. 74–79.

References

1. Miller, A.I. Istorija poniatija nacija v Rośsii [The history of the concept of a nation in Russia] / A.I. Miller // «Poniatija o Rossii»: K istorichjeskoj semantike impierskoho perioda ["Concepts of Russia": On the historical semantics of the Imperial period]. Vol. 2. — Moscow: Novoje litjeraturnoje obozrjenje [New Literary Review], 2012. — 456 p.
2. Kappeler, A. Mazepincy, matorossy, khokhły: ukraincy v etnichjeskoj ierarkhii Rośsijskoj imperii [Mazepinians, Malorossians, Ukrainians: Ukrainians in the ethnic hierarchy of the Russian Empire] / A. Kappeler // Rossija – Ukraina: istorija vzaimootnošenij [Russia – Ukraine: the history of mutual relations]:– Moscow: Shkola «Jazyki russkoj kultury» [School "Languages of Russian culture"], 1997. – P. 125–144.
3. Kostomarov, N.I. Dve russkije narodnosti [Two Russian nationalities] / N.I. Kostomarov // Sobranije sochinenij N.I. Kostomarova v 8 knigah, 21 t. Istoricheskie monografii i isśledovanija [Collected works of N.I.Kostomarov in 8 books, 21 vols. Historical monographs and research]. Book 1. Vol. 1. – St.Petersburg: Tipohrafija M.M.Stasyuleviča [M.M.Stasyulevich Printing House], 1903. – P. 31–65.
4. Zaionchkovsky, P.A. Kiritko-Mefodievskoe obschestvo. (1846–1847) [Cyril and Methodius Society] / P.A. Zaionchkovsky. – Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta [Moscow Univ. Publ.], 1959. – 172 p.
5. Perepiska namestnikov Korolevstva Polskogo. 1861–1863 gg. [Correspondence of the Governors of the Kingdom of Poland. 1861–1863]. Vol. 2. – Wrocław: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1973. – 399 p.
6. Katkov, M.N. Sovpadenie interesov ukrainofitov s polskimi intrigami [The coincidence of the interests of Ukrainophiles with Polish intrigues] / M.N. Katkov // Izbrannye trudy [Selected works] / M.N. Katkov. – Moscow: Rossijskaja politicheskaja enciklopedija [Russian Political Encyclopedia] (ROSSPEN), 2010. – P. 158–166.

7. Predpisanije ministra vnutrennikh del Rossijskoj impierii P.A. Valueva Kievskomu, Moskovskomu i Peterburgskomu cienurnym komitetam ot 18 ijulya 1863 goda // Ukrainskij vopros v politike vlastej i ruskom obschestvennom mnenii (vtoraja polovina XIX veka) [The order of the Minister of Internal Affairs of the Russian Empire P.A. Valuev to the Kiev, Moscow and St. Petersburg Censorship Committees of July 18, 1863 // The Ukrainian question in the policy of the authorities and Russian public opinion (the second half of the XIX century)] / A.I. Miller. – St.Petersburg: Aleteya, 2000. – P. 240–241.
8. Miller, A.I. Ukrainskij vopros v politike vlastej i ruskom obschestvennom mnenii (vtoraja polovina XIX veka) [The Ukrainian question in the policy of the authorities and Russian public opinion (the second half of the XIX century)] / A.I. Miller. – St.Petersburg: Aleteya, 2000. – 284 p.
9. Ptokhy, S. Vrata Evropy. Istorija Ukrainy [The Gates of Europe. History of Ukraine] / S. Ptokhy. – Moscow: ACT, CORPUS, 2018. – 544 p.
10. «Rossija pod nadzorom»: otchety III otdelenija 1827–1869. Sbornik dokumentov ["Russia under supervision": reports of the III department 1827–1869. Collection of documents] / Compilers M. Sidorova, E. Shcherbakova. – Moscow: «Ros. fond kultury», "Rossijskij Arhiv" ["Russian Cultural Foundation", "Russian Archive"], 2006. – 706 p.
11. Struve, P.B. Velikaja Rossija i Sviataja Rus [Great Russia and Holy Russia] / P.B. Struve // Nacija i imperija v ruskoj mysli nachata XX veka [Nation and Empire in Russian thought at the beginning of the XX century]. – Moscow: ID PRENSA, 2004. – P. 230–234.
12. Romanovsky, Yu. Ukrainskij separatizm i Germanija [Ukrainian separatism and Germany] / Yu. Romanovsky // Ukrainskij separatizm v Rossii. Ideologija nacionalnogo raskota [Ukrainian separatism in Russia. The ideology of the national split]: collected papers. – Moscow: 1998. – P. 296–312.
13. Menshikov, M.O. Prestupnaja romantika [Criminal Romanticism] / M.O. Menshikov // Nacija i imperija v ruskoj mysli nachata XX veka [Nation and Empire in Russian Thought at the beginning of the XX century]. – Moscow: ID PRENSA, 2004. – P. 74–79.

Благодарность (госзадание)

Статья подготовлена в рамках «Конкурса молодых международников СНГ имени А.А. Громыко», направленного на расширение диалога молодых исследователей и активизацию взаимодействия научно-исследовательских и образовательных учреждений стран СНГ и ЕАЭС.

Информация об авторе:

Русецкая Владислава Дмитриевна – студентка кафедры истории России Белорусского государственного университета (220030, Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, д. 4; e-mail: vladislavaruseckaa12@mail.ru).

Author:

Vladislava D. Rusetskaya – student of the Department of Russian History of the Belarusian State University; (4, Nezavisimosti Avenue, Minsk 220030, Belarus; phone: +375 29 145-39-36 (mobile); e-mail: vladislavaruseckaa12@mail.ru).

Для цитирования:

Русецкая, В.Д. (Пере)форматирование идентичности в империи: внешнеполитический аспект украинского национально-го дискурса (рубеж XIX–XX веков) / В.Д. Русецкая // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 25–29.

For citation:

Rusetskaya, V.D. (Re)formatting identity in the Empire: the foreign policy aspect of the Ukrainian national discourse (the turn of the XIX–XX centuries) / V.D. Rusetskaya // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 25–29.

Дата поступления статьи: 01.06.2023

Прошла рецензирование: 08.06.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 01.06.2023

Reviewed: 08.06.2023

Accepted: 16.06.2023